

КАСПИАНА

ЗИССЕЛЬ АДЛЕР

Зиссель Адлер

Каспиана

«Автор»

2025

Адлер З.

Каспиана / З. Адлер — «Автор», 2025

Правда прошлого всегда требует платы. И плата эта часто оказывается непомерной. Иркианя мечтала выяснить правду, что поглотили года, но в поисках ответов совершила роковую ошибку — поверила той, в чьём сердце уже не осталось места ни для любви, ни для правды. Айен, продавшая душу дьяволу, не знает пощады. Получив власть над Даргианом, она отнимает у её семьи не только силу — она крадёт само право на жизнь. Хаос и смерть следуют за колдуньей по пятам, оставляя за собой лишь пепел и отчаяние. Мир задыхается в крови. Но даже в беспросветной тьме теплится искра надежды — Каспиана, последняя хранительница древней силы. Только она способна бросить вызов Айен и восстановить равновесие. Вопрос лишь в том, какую цену придётся заплатить ей за спасение мира. И останется ли в этом мире место для неё самой...

© Адлер З., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1. Там, где не правят наследники...	6
2. Душный воздух прошлого.	7
3. Шёпот листьев.	11
4. Первый шаг к великой мудрости.	12
5. Предвестник перемен.	15
6. Щепетильный вопрос.	18
7. Родные лица.	20
8. Слезы луны.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зиссель Адлер Каспиана

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Там, где не правят наследники...

Пристальный взгляд устремился к далёкому, безоблачному горизонту, и в зелёных глазах, словно в спокойных водах лесного озера, отразился жёлтый диск восходящего солнца. Возвещая о знойном дне, золотые лучи залили голубой небосвод, утренняя прохлада рассеялась, и воздух наполнился тёплой влагой. Тихий, но отчетливый стук в дверь, нарушил утреннее безмолвие.

– Войдите! – раздался женский голос.

– Ваше Величество! – вошедший почтительно склонился, и тень его высокой фигуры, легла на мраморные плиты пола.

– Надеюсь, ты прибыл с хорошими известиями, Кандан! – прошептала королева, мягким певучим голосом.

– Там больше не правят наследники. Они все погибли, – в голосе посла звучала неопровержимая уверенность.

– Тем лучше для них, – стараясь придать тону безразличие, бросила королева, но боль в сердце остро защемила, – этим они избавили себя от унижительного изгнания. Что ты ещё выяснил?

– Земли сказочно плодородны, и орошают их источники наичистой воды, – воодушевленного ответил Кандан.

Королева, не проронив больше ни слова, медленно опустилась за массивный секретер. Вынув из верхнего ящика лист пергамента, она обмакнула перо в чернильницу и размашистым, уверенным почерком вывела несколько строк.

– Отправь гонца в Мидию. Пусть вручит это письмо моему внуку, – приказала она, передавая пергамент.

Посол склонился, повинувшись, и выпрямившись, тут же произнёс с почтительной настойчивостью:

– Моя королева! Позвольте прежде угостить вас водой, доставленной из ваших будущих владений.

– Водой? Ты привёз воду из священных земель... – прошептала она, и голос её слегка задрожал от волнения.

– Лишь три небольших сосуда. Говорят, сколько бы не прошло лет, эта вода хранит в себе первозданную свежесть. Вкусив её, вы осознаете ценность страны, чьей госпожой непременно скоро станете, – он впустил слугу с серебряным кувшином в руках.

– С самого рассвета в воздухе стоит тяжёлая духота, угнетая невыносимой жаждой, – пытаясь скрыть волнение, бросила королева, – пожалуй, глоток воды мне сейчас действительно не помешает.

Кандан неторопливо протянул слуге хрустальную чашу и в королевских покоях воцарилась блаженная тишина ожидания.

Словно нежная трель, лаская слух королевы, зазвучал звон разливающейся воды и играя в чистом воздухе дрожью прозрачных капель, устремился за тысячу миль, спеша в свою покинутую неволей обитель.

2. Душный воздух прошлого.

– С самого утра во дворце стоит тяжёлая духота, угнетая невыносимой жаждой, – прошептала с ноткой недовольства королева, – Каспиана, подай мне, пожалуйста, воды.

– Тебе какой воды, бабушка? Той, что струится с высокогорных ледников, или той, что рождается в тайных подземных родниках? – уточнила принцесса.

– Вся вода в наших краях полна святой благодати, – ответила королева, мягким певучим голосом, – изливаясь по горным хребтам, реки питают землю, даруя жизнь всему существу, а земля, насытившись живительной влагой, вручает нам ключ к знаниям и мудрости. Помни это, дитя моё!

Принцесса, налила воды в хрустальную чашу и с трепетной заботой протянула её королеве.

– Изумительно! – прошептала Иركانя, наслаждаясь прохладой.

– Правду ли говорят, словно вода, это напиток источников рая? – наблюдая за эмоциями бабушки, улыбнулась Каспиана.

– Несомненно! – в глазах королевы мелькнула тень глубокой тайны. – И совсем скоро, в день твоего совершеннолетия, тебе предстоит убедиться в этом лично. Надеюсь, ты помнишь о необходимости пройти священный обряд Хранительницы вод...

В ответ на слова королевы, лицо принцессы озарила светлая, волнующая улыбка.

– Сядь рядом, милая, я расскажу, как будет проходить обряд, – Иركانя ласковым жестом указала на бархатные подушки у своих ног, и устроившись поудобнее, Каспиана приготовилась внимательно каждому её слову.

– Все наследницы нашего древнего рода, вот уже много веков проходят данный обряд в день совершеннолетия, но не каждая достаивалась чести быть принятой, ибо вода чувствует душу. Она видит стал ли мудрее разум, смягчилось ли сердце, готова ли юная дева к новой жизни и принятию её высшего дара или следует уступить место другой.

– Расскажи, как приняла вода тебя? – с горящими огоньками живого любопытства в глазах спросила принцесса.

– Этот день навсегда остался в моей памяти, – с затаённой тоской в голосе, прошептала королева, – нас с сестрой готовили к церемонии два долгих месяца.

– С сестрой? – воскликнула Каспиана. – У тебя была сестра? Ты никогда не упоминала о ней!

Королева тяжело вздохнула и взгляд её, помутневший от печали, унёсся к воспоминаниям далёкого прошлого...

– Мы были близнецами с незначительной разницей в рождении. Моё появление на свет далось матери нелегко, и это очень сильно отразилось на моём здоровье. Люди, встречавшие Дарданеллу, называли её цветком, раскрывшимся на утренней заре. Лицо её пылало здоровой жизнью и беззаботным счастьем. Я же всегда была бледна, с тенью усталости во взгляде, и меня сравнивали с раненной ланью, затаившейся в лесной чаще.

Дарданелла проводила свободное время в вихре света и веселья, в кругу поклонявшихся ей людей, прислушивающихся к каждому её слову. А я находила утешение в уединении, на лоне природы: в саду я слушала пение птиц, шелест листьев, стрекот насекомых и вечное убаюкивающее журчанье ручья, мысленно беседуя с цветами, реками, ветром и самим небом.

Ко дню совершеннолетия нам сшили одинаковые платья и изготовили короны, усыпанные драгоценными камнями, каждая из которых была под стать будущей владычице. Сама того не осознавая, я расцвела в ожидании предстоящего дня, и мы с сестрой стали похожи, как две капли воды. Нас различали только по особенностям наших характеров: живым и игривым нравом обладала Дарданелла, я же всегда отличалась сдержанностью и тихой кротостью.

В преддверии пиршества, соседствующие правители прибыли в сопровождении пышных свит, наполнив дворец оживлением и праздничным гулом гостей. И вот настал тот долгожданный день. Нас с сестрой разбудили ещё до зари и в сопровождении слуг повели к реке. Проходя мимо отца, я услышала, как его поздравляют, восхищаясь и почти благоговей перед нашей красотой. Правитель северного королевства сказал:

«От своего народа я слышал, что в твоём дворце растёт прекрасный цветок, и прибыв сюда убедился не только в их правоте, но и в том, что под одной крышей живут и солнце, и луна».

«Два алмаза утешают моё сердце, украшая этот дворец и дороги мне, так же как глоток свежего воздуха» – ответил отец.

Едва первые лучи солнца коснулись голубой небесной глади, мы с сестрой приняли из рук матери золотые кувшины и бросили их в реку. Дарданелла с лёгкостью вынула из воды сосуд, полный до краёв, тут же подав его отцу. Отпив глоток, он передал его матери и с благодарностью поцеловал руки сестры. Мой же кувшин даже не погружался. Готовая в слезах броситься за утешением к родителям, обернувшись я увидела, как все присутствующие смотрят на меня: кто в растерянности, кто с шёпотом сожаления. Утратив последнюю надежду, я с силой дёрнула за ленту, как вдруг, сосуд стал быстро погружаться, словно невидимая рука утянула его на самое дно. Из всех сил я старалась вытянуть его обратно, но что-то очень крепко держало его на глубине, не выпуская.

«Отец!», – в отчаянии выкрикнула я, и едва он сделал шаг в мою сторону, как лента натянулась, словно струна. Отец остановился. Не дожидаясь его следующего шага, ко мне на помощь кинулась Дарданелла. Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы вытащить на берег маленький, но невероятно тяжёлый кувшин. Каково же было наше изумление, когда вместо воды мы обнаружили в нём сгусток белой, влажной глины. Я вытряхнула её на землю надеясь снова зачерпнуть воды, как тут же, река, забурлив изменила направление, и с чистого, безоблачного неба закапал дождь – капля за каплей, капля за каплей.

Люди вокруг стали громко перешёптываться, но моё возросшее волнение, не позволяло разобрать их слов. Успокоилась я лишь услышав счастливые голоса родителей и подняв лицо к небу, подставила его крупным, звенящим каплям прохладного дождя... – Иркэнэ закрыла глаза, словно дождь всё ещё лил, касаясь её лица.

– Все были так поглощены происходящим, – шёпотом продолжила она, – что не заметили, как на противоположном берегу, из чащи леса вынырнул всадник на вороном коне. Стрелой пересёк он мост и, оказавшись рядом, наклонился ко мне желая схватить. В испуге я отпрянула, оступилась о комок белой глины и упала в реку. Бурный поток мгновенно подхватил меня, стремительно унеся в пугающую неизвестность. Очнувшись я за тысячу километров от дома, выброшенная рекой на пустынный берег, где меня и обнаружил старый рыбак. Его семья ухаживала за мной с трогательной, почти отеческой заботой, пока спустя три месяца меня не обнаружил королевский поисковый отряд.

Вернувшись домой, я узнала о страшном несчастье, постигшем мою семью в тот злополучный день. Оказалось, всадник, схватив Дарданеллу, умчался в неизвестном направлении. После нашего с ней исчезновения враги не замедлили нанести удар, и в схватке с ними погиб мой старший брат. Отец направлял на наши поиски своих лучших людей. Я нашлась, а следы Дарданеллы затерялись навсегда, – никто ничего не знал о её судьбе.

Горе отца от пережитых потерь стало безграничным, и доброе сердце его ожесточилось. Он снаряжал один военный поход за другим, не прекращая мстить за убийство сына и похищение дочери. Война стала смыслом его жизни, но ни одна победа не приносила ему утешения. Так проходили год за годом, пока через пять лет мать не родила ему нового наследника. К этому времени я вышла замуж и была поглощена новой жизнью. Мы с матерью зареклись не упоми-

нать о сестре при отце, чтобы не бередить его старые раны, а со временем, вовсе перестали говорить о ней даже наедине. Но в мыслях и сердце каждого она продолжала жить неустанно.

На смертном одре отец признался, что не прекращал поиски Дарданеллы, завещая нам найти её любой ценой. Через шесть лет после его смерти война не пощадила моего младшего брата, и от глубокой скорби сердце нашей матери остановилось навсегда.

Каждое её слово отзывалось болью и сочувствием в душе юной принцессы, не познавшей тревог, и не сдерживая слёз, она продолжала внимательно слушать бабушку.

– Прошло так много лет, и, хотя мы не нашли ни единого следа, я чувствую сердцем, что Дарданелла жива. Я вижу её в своих беспокойных снах – всё такой же цветущей, с улыбкой, озарявшей когда-то наши дни, словно день совершеннолетия был вчера. Лишь глаза её всегда полны безмолвной грусти, и на рассвете, взгляд её обращён на далёкий безоблачный горизонт в ожидании восхода многоликого солнца.

Со дня похищения Дарданеллы, мы увязли в войнах, казавшихся бесконечными. И вот наконец после долгих лет ожиданий бог сжалился над нами послав как чудо – тебя, моя милая. Своим рождением, ты принесла не просто радость, а надежду на вечный мир.

Сердце Даргиана ожесточилось в бесчисленных битвах. Сызмальства, впитав лишь суровый долг воина, он строг и непреклонен. Но стоит ему услышать твой голос или увидеть тебя, как вмиг свирепый лев превращается в самого доброго и внимательного человека.

Ты – его свет и отрада, как когда-то мы с сестрой были утешением и опорой для нашего отца, – закончила свой рассказ Иركانэя, и в её голосе прозвучала тихая, выстраданная годами нежность.

– Мне так жаль, что несчастье постигло твою семью, – принцесса в слезах крепко обняла бабушку, ища в этом объятии утешение для обеих.

– Всё в жизни случается, дитя моё. Но мне хочется верить, что она обрела своё счастье, где-то далеко, как обрела его я, – сказала королева, целуя внучку в лоб с материнской нежностью.

– А теперь взгляни, что я хочу тебе показать, – она открыла резной комод из тёмного дерева, и словно извлекая сокровище из глубин памяти, достала платье, расшитое затейливыми золотыми узорами, на строчках которых мерцали приглушённым светом драгоценные камни.

– Платье, что было на тебе в день обряда? – восхищённо прошептала Каспиана, проводя кончиками пальцев по изящной вышивке.

– Ему больше не место в этом старом сундуке. Через три месяца, все должны увидеть красоту наследницы величайшей династии.

– Бабушка, а может случиться, что вода не примет меня? – в голосе принцессы прозвучала тень детского страха.

– В жизни может случиться всякое, моя дорогая. Если не примет в этом году, примет в следующем, – успокоила Иركانэя внучку мягкой улыбкой.

– Оно прекрасно! – Каспиана, сияя, прижала платье к груди и закружилась вокруг королевы. – Спасибо тебе, бабушка. Я обязана немедленно показать его маме! – воскликнула она, радостно осыпая беззаботными поцелуями бабушку, и выпорхнула из покоев, унося с собой шум жизни и молодости.

– Платье, достойное Повелительницы вод. Как же долго оно ждало своего заветного часа, – с тоской, горькой и сладкой одновременно, прошептала Иركانэя, оставшись наедине с тишиной и медленно подойдя к высокому арочному окну, распахнула его настежь.

В покои ворвалось лёгкое дуновение прохлады, пахнущее глубокой осенью, опавшими листьями и сырой землёй. Королева стояла неподвижно, задумчиво глядя на бегущие воды реки.

– Вот и старость пришла неслышными шагами, и смерть уже стучится в дверь... Увидеть бы тебя хоть на мгновение, обнять перед уходом... Я верю, что ты жива, сестра. Верю, как

свято верил наш отец до самого последнего вдоха, – горячая слеза, словно капля раскалённой лавы, обжигая кожу медленно скатилась по её щеке, затерявшись в складке у губ.

– Хватит! – приказала она себе, и одним решительным движением захлопнула створку окна.

Трепещущие гардины замерли в немой сцене. Покои, минуту назад наполненные призраками прошлого и шёпотом воспоминаний, теперь были просто покоем – тихими, пустыми и безликими. Быстро, не оглядываясь, Ирганэя вышла в просторный коридор, оставив за собой лишь лёгкое колебание воздуха и горькое послевкусие пролитой слезы.

3. Шёпот листьев.

– Мама, ты только взгляни, какое платье подарила мне бабушка, – воскликнула Каспиана, ворвавшись в покои подобно свежему, стремительному порыву ветра, и, закружилась по залу, словно в лёгком, невесомом вальсе.

– Уйми свой восторг, дитя моё, и позволь мне наконец рассмотреть его внимательнее! – с лёгким, ласковым смехом произнесла Раяна.

С порывистым дыханием и щеками, горящими ярким румянцем, словно отблеск алой вечерней зари, принцесса подбежала к матери.

– Правда оно прекрасно, мама? – прошептала Каспиана и, затаив дыхание замерла.

– Не просто прекрасно... Оно изумительно. И тебе невероятно к лицу, дочь, – улыбнулась Раяна, касаясь тонкой золотой вышивки, – словно великий портной знал, как будет выглядеть внучка будущей королевы. Как же долго оно ждало своего нового часа...

– Бабушка рассказала мне о своей сестре. Грустная история... Я не смогла сдержать слёз.

– Да! – голос Раяны понизился. – И хуже всего то, что твоя бабушка в глубине души считает себя виновной в той трагедии. Ведь не оступись она тогда, похитили бы её, а не Дарданеллу.

– Милая бабушка... Как же она горюет, неся в своём сердце на протяжении многих лет этот тяжёлый груз.

– Твой отец не прекращает поиски по сей день, и все попытки что-либо выяснить – тщетны, – голос Раяны прозвучал тихо и тоскливо, – но не будем о грустном, дочь, лучше поговорим о том, что ждёт тебя впереди. Ведь в день совершеннолетия тебе предстоит стать не только Хранительницей вод, но и выбрать спутника жизни. Ты – единственная принцесса величайшего королевства Востока и твоей руки будут добиваться многие короли и принцы.

– Сможет ли моё сердце откликнуться с первого взгляда, как это случилось у вас с отцом? – с лёгкой задумчивостью в голосе спросила принцесса.

Раяна ласково улыбнулась словам дочери и, мягко взяв за руку, подвела к высокому резному окну. За толстым стеклом слышалось унылое, протяжное завывание ветра. Он кружил в воздухе опавшую листву, то швыряя её к свинцовым тучам, то безжалостно роняя на холодную землю, а вдоль широких стен дворца, распростёрлась бесконечная даль багровых и золотых лесов, одетых в пышные, но увядающие одежды глубокой осени.

– Именно в такую погоду произошла наша с ним встреча, – бросив взгляд на серую бескрайность с тёплой нежностью в голосе вспоминала Раяна. – Разум подчас слеп, дитя моё. Зри сердцем, – оно никогда не обманет.

Каспиана обняла мать и, прильнув головой к её плечу, наблюдала за неистовой игрой беспокойного ветра, прислушиваясь к хаотичному шёпоту взбудораженных листьев.

– Час встречи близок... близок... близок... – шептали, порхая в пронизанном холодом воздухе, пожелтевшие листья, неся в своём танце тайное пророчество.

4. Первый шаг к великой мудрости.

Медленно и беззвучно покои утопали в предвечернем сумраке, и последние полосы заката, догорая на деревянном полу, цеплялись за резные ножки стульев, тая в густом бархате портьер. В зябкой и неподвижной прохладе воздуха пылинки кружились в косых лучах угасающего света, словно серебряный прах древних, забытых времён.

– Ханна, – голос Иркианэ прозвучал устало, нарушая хрупкую тишину, – руки жутко леденят. Достань из комода мою теплую шаль и распорядись, чтобы нам принесли горячего чая.

– Надеюсь, вы не вздумали хворать? – озабоченно спросила придворная, бережно укутывая плечи госпожи шерстяной паутиной узорной шали.

– Нет, нет! Всё в порядке. Не тревожься. Просто сегодня воспоминания разбередили старые раны – те, что, кажется, никогда не затянутся до конца, – королева откинулась на высокую спинку кресла, стараясь устроиться удобнее, но покой не приходил.

Ханна, молча кивнув, позвала слугу велев принести чаю. Сама же, желая скорее разогреть воздух и прогнать из комнаты осеннюю хандру, поспешив к камину, подобрала несколько сухих поленьев.

– У вас тут очень зябко, госпожа. Не шутите со сквозняками. Вот только вздумайте заболеть – я тут же без зазрения совести сдам вас на попечение этим юным недотёпам, – ворчала она, поправляя дрова кочергой, чтобы пламя взметнулось выше.

– Холод был единственным, кто мог усмирить нахлынувшую грусть. Полно бранить и поучать меня, словно я малое дитя, – капризно, но беззлобно ответила королева.

– А ведь как дитя вы себя порой и ведёте. И если мне вас не корить, боюсь, такой вы и останетесь до скончания дней, – подзадорила её Ханна.

– И досталась же мне в услужение величайшая зануда во всём королевстве, – возмутилась, шутя, королева, чем рассмешила свою старую подругу, нарушив мрачное настроение покоев.

Тихий, почтительный стук в дверь прервал их. Ханна впустила слугу с массивным серебряным подносом и, пока он неторопливо разливал по фарфоровым чашкам душистый, дымящийся чай, подправив шаль на плечах королевы, присела рядом в свободное кресло.

Обе пили ароматный напиток в молчании, нарушаемом лишь потрескиванием огня, как вдруг, выйдя из глубокой задумчивости, Иркианэ чётко и ясно произнесла:

– Я хочу, чтобы ты сопроводила меня к Айен.

– Вы уверены, что не простужены и не в бреду, госпожа? – Ханна смотрела на неё с неподдельным, почти испуганным недоумением.

– Нет! – ответила та с несвойственной ей твёрдостью.

– Вам – то это зачем?

– Я хочу знать, что случилось с моей сестрой, – Иркианэ отвела взгляд в сторону, всматриваясь в стужающиеся за окном сумерки, словно искала в них ответ.

– Госпожа, нужно ли вам это знать спустя столько лет? – голос Ханны дрогнул, смешав в себе заботу и страх.

– Да! – отрезала уверенно королева, и её взгляд, вернувшийся к подруге, был непреклонен.

– Но разве вы не знаете, цену тому, что она вам поведаст? – почти беззвучно прошептала придворная. – Говорят, она продлевает свои годы, забирая жизнь каждого, кто является к ней за ответом.

– Дни мои уже сочтены. Днём раньше я покину этот мир или днём позже – это уже совсем не имеет для меня значения. Но прежде, чем уйти, я хочу знать ответы на вопросы, что многие годы лишали меня покоя. С момента её исчезновения и вплоть до рождения Каспианы,

жестокие войны не утихали, принося много горя не только нашей семье, но и всему нашему народу. Земля страдала без неё, словно оторванная часть целого, давая понять, какую пустоту она оставила. Я лишь хочу, чтобы Айен внесла ясность в два вопроса: что случилось с моей сестрой в тот роковой для нас день и где она теперь?

– Если верить слухам, – ещё тише, словно боясь быть услышанной самими стенами, прошептала Ханна, – своё существование на земле Айен влачит уже много тысяч лет и знает как прошлое, так и ближайшее будущее каждого, кто осмелится к ней прийти,

– Вот и проверим, правда ли то, что о ней говорят, – с лёгкой, безрадостной усмешкой пожалала плечами Иركانя.

– Когда вы хотите отправиться? – видя, что королева не отступает, с ноткой недовольства спросила Ханна.

– Завтра, с закатом. В это время мы не привлечём к себе лишних глаз.

– Госпожа, если это ваше твёрдое решение, я повинуюсь. Но умоляю – не торопитесь, подумайте ещё раз.

– Я решалась на этот шаг много лет. За все годы нашей дружбы, ты лишь оправдывала моё к тебе доверие. И сейчас, я знаю, что могу полностью положиться на тебя в этом щепетильном для меня вопросе. Но если тебе боязно, ты можешь проводить меня, и не входя в дом, дожидаться у порога.

– Вот уж страшно! – возмутилась Ханна. – Совсем я её не боюсь, и никуда вас одну не пушу, – заявила она с решимостью.

– Теперь ты ведёшь себя, словно дитё малое, – с лёгкой улыбкой ответила королева, и обе негромко рассмеялись, на мгновение сбросив груз лет и тяжких дум.

Их смех прервал настойчивый стук в дверь, и не дожидаясь ответа, в щель просунулась кудрявая голова.

– Ба, прикажи моей сестре не командовать мной.

– Входи, Кайс! – мягко, но властно произнесла Иركانя.

Принц влетел в покои и, не сдерживаясь, крепко обнял бабушку.

– Напомни-ка мне, сколько тебе лет?

– Девять. Через двадцать семь дней будет десять, – гордо выпалил мальчик.

– И взрослый человек позволяет сестре собой помыкать?! Что же она потребовала?

– Чтобы я ложился спать, – принц потупился. – Потому что..., – не договорив, он замолчал.

– Потому что что, Кайс? – мягко, но настойчиво повторила королева.

– Потому что мне необходимо проснуться раньше солнца, для занятий верховой ездой и фехтованием, а вторую половину дня, необходимо посвятить обучению точным наукам, – пробормотал он чуть слышно, словно признаваясь в тяжкой провинности.

– А ты понимаешь, для чего тебя всему этому обучают? Для галочки в свитке или для чего-то большего?

– Чтобы я был храбрым и мудрым, как мой отец? – предположил принц, и в его глазах мелькнула искорка надежды на то, что этот путь не так уж долог.

– Совершенно, верно, мой дорогой! Но храбрость приходит с опытом, а мудрость... королева ласково потрепала его по густым кудрям, – это когда в сокровищнице твоего разума накоплено столько знаний, что они, как верные стражи, оберегают тебя от ошибок.

– А я уже мудрый? – не унимался Кайс, жадно ловя каждое слово.

– Для того, чтобы стать мудрым, нужен не только ум, но и опыт. А для опыта, сначала тебе необходимо стать самостоятельным.

– Я очень самостоятельный, – воскликнул он, выпрямившись.

– Разве самостоятельный человек нуждается в том, чтобы ему напоминали о важности своевременного сна? – лукаво парировала Иركانя.

Кайс, не найдя, что ответить, смущённо замолчал, и его самоуверенность поникла.

– Начни с малого, милый: научись сам планировать свой день и сам же следи за его исполнением. Никто не придёт и не сделает самое важное вместо тебя.

Помни: не стыдно не знать – стыдно не пытаться понять. Самостоятельность – это не умение делать всё в одиночку, а умение искать решения. Ты не обязан всё уметь, но обязан разбираться в том, что важно для тебя и твоего народа.

Королева помолчала, давая словам проникнуть в детское сознание, а потом продолжила, и голос её звучал уже как царственное наставление и завещание опыта:

– Каждое твоё действие, как брошенный в воду камень, порождает круги последствий – учись предвидеть их заранее. Свобода – это не вседозволенность, а тяжёлая ноша ответственности за свой выбор.

Умение договариваться куда важнее умения побеждать в споре. Истинная сила – не в громком крике, а в тихом, но твёрдом слове, которое находит путь к чужим сердцам. Учись находить общий язык.

Власть и золото – не цель, а инструмент. Они дают возможности, но никогда не заменят чести и совести. Учись управлять ими и не ставь выше человеческой верности и любви.

Ошибаться – не стыдно; стыдно – делать вид, что ошибки не было. Признай её, исправь и сделай верные выводы – так рождается настоящая мудрость.

И ещё... Надёжность, а не грубая смелость, вызывают у людей уважение. Будь тем, на кого можно положиться в бурю и штиль – и мир тебе ответит тем же.

Чем раньше ты всё это постигнешь на собственном опыте, тем крепче будет твоя власть на троне – троне, завоёванном не страхом, а уважением. Ты будешь править, обращая бывших недругов в союзников, оберегая свой народ и свои владения не силой меча, а силой разума.

Сестра заботится о тебе, беспокоясь за твоё будущее. Она не командует и не повелевает – она направляет. Теперь понимаешь, Кайс?

– Да! – воскликнул принц, и в глазах его загорелся новый, осмысленный огонь. – Я стану лучшим правителем в истории нашего королевства, обещаю тебе!

– Будь внимателен к тому, что обещаешь, – тихо, но строго, сказала королева. – Слова правителя – это клятва, скреплённая честью. А пока – умей слушать и слышать тех, кто мудрее. Их советы – карта, которая уберёжёт тебя от многих пропастей.

– Хорошо, Ба! – придав лицу серьёзное, почти суровое выражение, ответил принц.

В дверь снова постучали, но на этот раз легче.

– Ты не спишь, бабушка? – прошептала, заглядывая в покои Каспиана.

– Нет, милая, входи.

– Я нигде не могу найти ... – она остановила себя на полуслове, увидев брата. – А, вот ты где пропал?!

– Подобного не повторится, сестра, – виновато опустив глаза промолвил принц. Затем обернулся к королеве: – Я буду навещать тебя каждый вечер и желать «Спокойной ночи».

– Это станет нашей с тобой доброй традицией, Кайс и твоим первым шагом на пути к великой мудрости, – соглашаясь с предложением внука, ответила Иركانэя.

– Кажется, вы тут успели обсудить много важного и интересного, – улыбнулась Каспиана, чувствуя изменившуюся атмосферу в покоях.

– У нас с принцем, отныне свои секреты, – подмигнула внуку королева и на её лице мелькнула тень озорной девчонки.

– Спокойной ночи! – поцеловав бабушку в щёку, попрощались оба.

– Добрых вам и мирных снов, – прошептала королева, выходящим из покоев внукам.

Предвечерний сумрак окончательно поглотил комнату и лишь отсветы камина и свечей танцевали на стенах. Дверь гулко закрылась, оставив королеву наедине с тихим вечером и зреющим в сердце решением, которому суждено было изменить всё.

5. Предвестник перемен.

Воодушевлённая подарком бабушки, Каспиана предалась сладостным грёзам, рисуя в воображении тот день, когда предстанет перед народом в день своего совершеннолетия. Весело кружась по комнате, она случайно бросила взгляд на окно и замерла от удивления. За стеклом, лаская холодный воздух, на замёрзшую землю тихо опускался первый снег. Дворцовые крыши уже укрылись тонким серебристым покровом, а огни сторожевых башен, мерцая сквозь белёсую пелену, придавали ночи таинственный вид.

Прильнув к окну, Каспиана невольно выдохнула – и её дыхание мгновенно расцвело причудливым ледяным узором на холодном стекле. Всматриваясь сквозь хрупкую преграду в дрожащие огни, принцесса задумалась:

«Чьей же возлюбленной мне суждено стать? Отзовется ли моё сердце с первого взгляда? Или оно будет молчать?..»

Медленно отойдя от окна, она укрылась в тёплой постели и, убаюканная трепетным предвкушением будущего, погрузилась в глубокий сон...

«Грозное войско под предводительством молодого короля сомкнулось у самых границ Тавйака. Бабушка – уже не молодая, но ещё не старая – восседала на высоком троне, который тянули за собой семь призрачно-белых коней. Крепко сжимая в руках подаренное утром платье, она бросила на родной дворец взгляд, полный ледяной злобы, затем повернулась к королю, чье лицо скрывала золотая маска, и пронзительно указав перстом, приказала разрушить его до основания. Король, обращаясь к войску, поднял над головой меч – и подобно чёрной лавине, вся армия ринулась в наступление.

Каспиана бросилась к высокому трону... – Бабушка, останови их? Умоляю тебя! Неужели ты не узнаешь свой дом? Все, кто в нём, могут погибнуть! Останови их! – кричала принцесса, но никто не обращал на неё внимания, словно она была невидимой тенью, бесплотным духом.

Достигнув стен дворца, воины с неистовой яростью набросились на него, разрушая всё, что встречалось на пути. Каспиана в слезах, металась между ними, умоляла, хватала за доспехи – но её не видели и не слышали. Осознав своё бессилие, она проникла во дворец через потайной ход, и бросилась по глухому тёмному коридору в поисках младшего брата, заглядывая во все покои.

– Кайс! Кайс! – в отчаянии звала она, но в ответ ей была лишь немая тишина.

Наконец подбежав к его покоям, она распахнула дверь – и вдруг всё исчезло: и воины, и бабушка, и молодой король, и сам замок. Она стояла одна посреди глухой, безжизненной пустоши, в том самом платье, подаренном накануне. Мелкий, колючий дождь бил по её заплаканному лицу, а вода, наполняя собой всё пространство, поднималась всё выше и выше. Внезапно Каспиану охватила мучительная, неуголимая жажда, и, зачерпнув ладонями разливающуюся влагу, она сделала глоток. Дождевая вода оказалась солёной, но она всё пила и пила, пока не слилась с безбрежной гладью в единое целое.»

Проснувшись в холодном поту, Каспиана увидела у своего изголовья склонившуюся фигуру матери. Свет раннего утра, бледный и размытый, мягко заполнил покои, но не разогнал остатки ночного ужаса.

– Всё хорошо, доченька. Тебе просто приснился дурной сон, – обняв её, тихо проговорила Раяна, и её голос, тёплый и уверенный, вернул принцессу в реальность.

– Как хорошо, что это был только сон... – крепче прижавшись к матери, ответила дрожащим голосом Каспиана, всё ещё чувствуя на губах привкус солёной воды.

– Выпейте, принцесса. Глоток прохлады успокоит вас и приведёт мысли в порядок, – с почтительной заботой протянула серебряную чашу Яэль.

Каспиана с опаской взглянула на прозрачную, неподвижную гладь и, поднеся холодную посуду к губам, пригубила. Вода оказалась самой обычной – чистой и успокаивающе-земной. Она сделала три глотка и наконец успокоилась.

– Завтрак уже готов, милая. Умывайся и приходи. Мы все ждём тебя, – Раяна нежно поцеловала влажный лоб дочери и вышла из комнаты.

– Я помогу вам умыться, принцесса, – вызвалась Яэль, готовя полотенце и кувшин, – а ночную сорочку нужно сменить немедленно, иначе не миновать хвори.

– Да, ты права, Яэль, – дотронувшись до сырой, холодной ткани, ответила Каспиана и, вспомнив смутные образы сна, тихо спросила: – Ты встречала сегодня Кайса?

– Они с господином Албаном, только что вернулись с утренней выездки и приглашены на второй плотный завтрак. Кайс выглядел довольным.

– Хорошо! – успокоилась Каспиана. – Пожалуй и мне стоит поторопиться, чтобы сесть за стол вместе со всеми.

Теплая струйка воды коснулась её запястий, и принцесса с наслаждением принялась умываться, смывая страх ночного кошмара.

– Госпожа, – наклонившись ближе, тихо произнесла Яэль, – сегодня никому не рассказывайте о своём сне. Сон, что пришёл в ночь с четверга на пятницу... его лучше держать при себе, пока он сам вас не перестанет беспокоить. Иначе может сбыться.

– Какая же ты суеверная, Яэль! Сама боишься и меня пугаешь, – попыталась рассмеяться Каспиана, но в её смехе прозвучала лёгкая неуверенность.

– Да госпожа, я очень боюсь и вам советую придерживаться старых правил наших бабушек.

– Что ж...прислушаюсь к твоему совету, – после паузы согласилась Каспиана. – Тем более, что мне совсем не хочется вспоминать о нём.

–Ночью выпало много снега, – тут же попыталась отвлечь принцессу, Яэль, помогая застёгивать платье. – После завтрака непременно совершите небольшую прогулку по дворцовому саду. Боаз, лесничий, уверял, что давно такой красоты не видел. Уверена, вам будет на что посмотреть.

Каспиана задумалась, глядя в окно, где мир лежал под белым, девственным покрывалом. Прошлая ночь отступала, растворяясь в ярком, холодном дне, но где-то в глубине оставался смутный след – предчувствие, что не все сны уходят бесследно.

–Да! Погода способна удивлять, творя чудеса, – отворяя дверь, проговорила с лёгкой улыбкой Каспиана. – Благодарю тебя, Яэль!

Едва она вышла в прохладный коридор, как увидела бегущего к ней младшего брата, ещё издали махавшего ей рукой.

–Ты наконец проснулась! Доброе утро, сестра!

–Доброе утро, Кайс! – она нежно поцеловала брата в щёку. – Как прошла утренняя выездка? Надеюсь, ты держался молодцом?

–Да! Моя лошадь сегодня была очень послушна. Она выполняла всё, что требовал от неё Албан.

– Очень скоро, она с таким же усердием будет слушаться и тебя, мой дорогой. Нужно лишь немного терпения и ласки.

– Обещай, что после завтрака мы пойдём играть в снежки! – в глазах принца зажглись озорные искорки.

– Обещаю! – Каспиана торжественно подняла ладонь, словно давала клятву.

– А теперь скорее завтракать, я ужасно проголодался!

– Мы с тобой – два голодных лисёнка, – шутила Каспиана, – и чтобы не замёрзнуть в сугробах, нужно как следует подкрепиться.

Кайс распахнул двери в трапезную, увлекая сестру за собой в пространство, наполненное тёплым светом, ароматами свежей выпечки и дымка от камина.

– Ты должна сесть рядом со мной! – настаивал Кайс и Каспиана, поздоровавшись с присутствующими, заняла место между братьями.

– Кайс, ты рассказал сестре, какая на дворе сегодня стоит благодать? – спросила Раяна, с теплотой взглянув на него.

– Да, мама! Мы уже договорились – как только завершим с завтраком, сразу идём во двор!

– Но прежде Каспиана, тебе необходимо зайти к бабушке. Ей есть что обсудить с тобой.

– Ты не знаешь, о чём она хочет поговорить со мной? – тихо, почти шёпотом спросила принцесса и в её голосе мелькнула лёгкое волнение.

– Знаю, дитя моё. Но то, что она скажет, ты должна услышать именно из её уст. Нам нельзя нарушать древние обычаи, и пока ваша бабушка жива, повелительница и хозяйка во дворце – она.

Раяна обвела взглядом детей, и в её глазах загорелся особый, наставительный свет.

– Я хочу, чтобы вы запомнили это раз и навсегда: чтите слово старших, проникнувшись к ним глубоким, истинным уважением. Это не просто правило этикета – это закон, на котором держится наш дом и наше королевство.

Трое детей, притихнув, внимали словам матери.

– Мама, а я тоже скоро стану королём, – жуя еду, с набитым ртом вмешался Кайс.

– Будешь сынок, как только избавишься от привычки вещать с набитым ртом, – улыбнулась Раяна, и в её улыбке выразилась огромная нежность.

Албан и Каспиана не смогли сдержать смеха, обменявшись понимающими взглядами.

– И ещё вырасти, набираясь опыта у отца и брата, – добавила к словам матери принцесса.

– А у бабушки, мамы и тебя, мне не нужно набираться опыта? – продолжая жевать, с деловой серьёзностью пробормотал Кайс.

– В определённых вопросах – безусловно, – с невозмутимым видом ответил Албан. – А сейчас, ваше будущее величество, ешь. Иначе нам всем грозит участь трапезничать холодным завтраком.

6. Щепетильный вопрос.

Шум утренних сборов в покоях нарушил сдержанный стук в резную дубовую дверь.

– Входите, принцесса, – приоткрыв тяжёлую створку, пригласила Ханна, и лицо её озарила тёплая улыбка, – госпожа ожидает вас.

Воздух в покоях, пропитанный ароматом сушёных лавандовых букетов и воска, был густым и сладковатым. Королева, смотрелась в высокое зеркало, готовясь к утренней прогулке в дворцовом саду.

– Присаживайся, милая. Мне нужно поговорить с тобой об одном... щепетильном вопросе, – голос её зазвучал ласково, но Каспиана уловила в нём нотку серьёзности и где-то под сердцем ёкнуло лёгкое беспокойство.

– О чём же, бабушка? – присев в глубокое мягкое кресло у камина, заинтригованно, но с опаской спросила она.

– Албан сообщил тебе о приезде Камбюса и Геры? – поправляя ворот шерстяного платья, не глядя на внучку, спросила Иركانя.

– Да! И если дата их приезда не изменилась, они должны прибыть сегодня к ужину.

– Верно, – кивнула королева, наконец встретившись с ней взглядом. – Камбюс решил сопровождать сестру. Говорит, что соскучился по местам, где бегал мальчишкой. Но, дитя моё, есть нечто большее... Его мать написала твоим родителям, а также мне отдельным письмом, где выразила надежду... что была бы безмерно счастлива видеть тебя супругой своего сына.

– Но ведь он младше меня, – тёплый румянец мгновенно спал с щёк Каспианы, и голос её дрогнул, наполняясь протестом.

– Месяц разницы в возрасте... Иركانя мягко махнула рукой, словно отгоняя ничтожную мушку, – не имеет ровно никакого значения в делах династии и сердца.

– И... и мой отец тоже согласился на эту интригу? – вырвалось у Каспианы, и сердце учащённо заколотилось в груди.

– Зачем же так резко, дитя моё? – слегка нахмурилась королева. – Никто не собирается силком вести тебя под венец. Я лишь прошу присмотреться к нему внимательнее в дни его визита. Я знаю Камбюса с самого первого дня его рождения, и не понаслышке, а самой приходилось убеждаться в благородном нраве юноши. Поверь, нам всем было бы отрадно видеть его твоим супругом...

Каспиана молчала, уставившись на причудливые тени огня от камина, плясавшие на стене, и обдумывала, какие найти слова, чтобы не огорчить бабушку, но и не дать ложной надежды.

– И твоему отцу в том числе, – тихо, но настойчиво добавила королева. – Конечно, ты можешь дожидаться дня своего совершеннолетия и, возможно, тобой заинтересуется какой-нибудь иноземный принц, прибывший из далёких и неведомых нам краёв. А я знаю, именно об этом все твои мечты... И вполне возможно, что он будет выше и значительно приятнее внешне, но поверь мне, внученька, – её голос дрогнул, – жениха достойнее Камбюса, ты вряд ли встретишь. Это всё, что я хотела сказать тебе, – поправляя на плечах соболью шубу, сказала она и оглядев принцессу с ног до головы, бросила, – вижу ты ещё не готова к прогулке.

– Я... я только оденусь потеплее и тут же выйду, – почти машинально ответила Каспиана, выскальзывая из опочивальни в прохладу коридора.

Желая отогнать навязчивые мысли, она присоединилась к шумной ватаге дворцовой детворы во главе с младшим братом, весело осаждавшей друг друга снежками. Морозный ветерок обжигал щёки, а звонкий, беззаботный смех вытеснил тревогу, смыв её, как волна следы на песке. Каспиана смеялась и бросалась снегом, чувствуя себя снова маленькой девочкой, и, совсем забыв о тягостном разговоре с бабушкой, полностью влилась в детскую забаву. Наиг-

равшись до румянца, дети повалились на скамью отдышаться, а принцесса, поймав мгновение уединения, свернула на дворцовую аллею, ведущую в глубь сада.

Зима была настоящей волшебницей. Ветви деревьев, одетые в тяжёлые шапки снега, гнулись до самой земли, образуя сверкающие хрустальные арки. Воздух был чист, звонок и морозен. Ещё издали она увидела знакомый силуэт, окружённый свитой слуг, и ускорила шаг, приятно похрустывая снегом под белыми сапожками.

– Неправда ли, погода сделала сегодняшний день очаровательным? – обернулась Иркианэ к подходившей внучке, и в её счастливых глазах отразилась вся белизна спящего сада.

– Да, бабушка, – Каспиана с благоговейным восторгом окинула взглядом застывшее великолепие, – я не могу никак насмотреться. Наш сад словно сказочные владения Снежной Королевы. Каждое время года несёт в себе особое очарование, но эта хрустальная тишина и белизна... меня восхищают особенно.

– Человек сердцем тянется к тому времени года, которое ему благоговееет. Так, по крайней мере, кажется мне, – задумчиво, почти про себя, произнесла Иркианэ, и её взгляд ускользнул куда-то поверх заснеженных вершушек, в невидимое далёко.

– Выходит, ты всей душой любишь лето? – оживилась Каспиана, подхватив мысль размышления.

– Именно так, дитя моё. И не только за ласковое, щедрое солнце. Лето, словно природный художник, одевает мир в пёстрые, сочные краски, наполняя наши души пьянящими ароматами цветочных лугов. Но ты права – каждое время года неповторимо в своём особом очаровании. У каждого свой шёпот, своя тайна.

Так они гуляли размеренным шагом по утоптаным дорожкам сада, негромко беседуя о простых событиях, что наполняли их жизнь – пока ещё спокойную, безмятежную, ничем не предвещавшую скорых и неотвратимых перемен.

7. Родные лица.

К вечеру во дворец наконец пришла весть о прибытии долгожданных гостей и Каспиана, охваченная нетерпением, поспешила выйти во двор, стремясь скорее увидеть горячо любимые лица.

Королевский экипаж, запорошенный дорожной пылью, остановился у подножия широкой мраморной лестницы дворца. Едва дверца распахнулась, как из неё стремительно вышел Камбюс, озаряя встречавших широкой, открытой улыбкой. Вслед за ним, из тёмного зева кареты показалась изящная ручка в белоснежной перчатке. Албан, проникшись трепетом, почтительно прикоснулся к ней, предлагая Гере свою руку и опору. При виде кузины сердце Каспианы не выдержало наплыва переполнявших его чувств и бурных эмоций, и обе принцессы, крепко обнявшись, поспешили укрыться от наступающего вечернего холода в гостеприимном, тёплом свете дворца.

– Надеюсь дорога не слишком утомила вас? – учтиво поинтересовался Албан.

– К счастью, дожди были кратковременны, иначе мы неминуемо увязли в непролазной грязи, – весело отозвался Камбюс. – В целом, погода была к нам благосклонна.

– Что ж, я рад! И нужно ли говорить, как все мы ждали вашего приезда... Впрочем, ты сейчас всё увидишь сам, – рассмеялся Албан. – Зайдём же скорее! Полагаю обе королевы замерли у двери в нетерпении увидеть тебя. Утешь их взволнованные сердца.

– Прежде, чем войти, мне бы хотелось обсудить с тобой один вопрос, – удерживая его за рукав, тихо, но твёрдо произнёс Камбюс.

Албан удивлённо взглянул на него, тут же насторожившись.

– Видишь ли... – Камбюс, явно сконфуженный темой разговора, замялся, подбирая слова, – моя мать перед самым нашим отъездом направила письмо твоим родителям, в котором изъявила желание видеть Каспиану моей супругой. Вся беда в том, что она не обсудила этого со мной, полагая, будто я с детства влюблён в неё, судя, по-моему, неизменно тёплому к ней отношению. Дело же обстоит... – Камбюс запнулся, стараясь подобрать выражения, которые не задели бы братских чувств, но Албан мягким жестом остановил его.

– Не терзай себя. Я более чем уверен, что Каспиана, так же, как и ты не желает этого брака. Завтра же я переговорю с ней, – успокоил Албан, с уверенностью в голосе.

Едва Камбюс переступил порог дворца, как все разом устремились к нему с объятиями и радостными восклицаниями. Неугомонный Кайс не унимался с множеством вопросов, королева восхищалась его возмужавшим, благородным видом, лукаво улыбнувшись при этом внучке, чем сильно смутила Каспиану.

– Три года разлуки сделали тебя совсем неузнаваемым. Как же ты повзрослел, приняв на свои плечи бразды правления королевством после кончины отца, – всплакнула Раяна, нежно обнимая племянника, – жаль, что сестра не смогла разделить с вами дорогу.

– Матушка обещала непременно прибыть ко дню совершеннолетия Каспианы, – поспешил утешить тётю Камбюс.

– Встреча с нею станет лучшим подарком для нашей семьи, – нежно улыбнулась она, смахнув слезу, – что ж, не будем более докучать тебе вопросами. Албан, распорядись проводить Камбюса в его покои, пусть немного отдохнёт перед ужином, – обратилась она тут же к сыну.

Камбюс медленно шёл по бесконечному коридору дворца, в котором всё было знакомо, и дышало до боли родным и близким. Тёплые воспоминания детства нахлынули внезапной и ласковой волной, заставив его смущённо и радостно улыбнуться самому себе.

8. Слезы луны.

С наступлением ночи, облачившись в старые, потрёпанные одежды, королева с придворной стали совершенно неузнаваемы. Воспользовавшись потайным ходом, известным лишь избранным, они покинули дворец, и растворившись в ночной мгле, направились в путь, полный трепета и волнения.

Дорога, ведущая к дому колдуньи, заросла колючим кустарником и цепким терновником. Женщины, отмахиваясь от ветвей костылями, молча брели по ней, понимая, что эта тропа давно всеми забыта. Преодолев покрытый снегом заросший путь, они вышли к покосившейся старой избушке под обветшалой, проваливающейся крышей.

– Этому дому, наверняка столько же лет, как и ей самой, – предположила Ханна, охваченная суеверным страхом. – И как она живёт в нём? Он того и гляди вот-вот рухнет. Госпожа, давайте поступим благоразумно: повернём назад, пока не поздно. Здесь пахнет бедой.

– Не знала, что ты так боишься вида старой кровли, – тихо ответила королева, и собрав всю свою волю в кулак неуверенно постучала в покорёженную дверь.

Дверь поддалась бесшумно распахнувшись, словно для долгожданных, хоть и незваных гостей, впустив их во тьму, тут же осветившуюся множеством факелов. Едва обе женщины переступили порог, как заметили узкую винтовую лестницу, уходящую глубоко вниз. Робко взявшись за скрипучие перила, они спустились вниз, и изумились увиденному: перед ними отрылось подземное логово, убранство которого затмевало пышность королевских покоев. Мягкий свет магических светильников отражался в позолоте и мозаике, а воздух был тяжёл от ароматов сандала и древних свитков. Ханна, не в силах скрыть удивления, округлив глаза ахнула.

– Ненадёжная крыша и разваливающаяся избушка – всего лишь ширма для отвода глаз непрошенных гостей, – шёпотом заключила королева. – Есть кто дома? – громче, чем планировала, спросила она, и её голос раскатился эхом по подземелью.

Тут же из тени, словно родившись из мрака, появился горбун. Он безмолвным жестом, указал следовать за ним, и женщины, перешёптываясь у него за спиной, покорно поспешили следом. Проводник остановился у массивной дубовой двери, украшенной резным замысловатым орнаментом, молча распахнул её и растворился в воздухе, не оставив следа.

– Госпожа ожидает вас, – мрачно прозвучал его голос уже из пустоты.

Оглядываясь с волнением и опаской, они переступили порог залитых ярким светом покоев, потолок и стены которых были увешаны диковинными гобеленами, изображавшими забытые миры, что придавало необычной комнате таинственность.

В углу, на груде бархатных подушек, облачённая в струящиеся шелка, медленно потягивая дымок из серебряного кальяна, восседала дева неземной застывшей красоты. Длинные чёрные волосы, словно река ночи, рассыпались по её хрупким плечам, касаясь бледных, почти прозрачных рук, а одурманенный взгляд, лениво блуждал по стенам и потолку.

– Ты оказалась смелее своего отца, – нарушила молчание колдунья и голос её прозвучал, как шорох сухих листьев. – Знаешь ли ты истинную цену, которую должна заплатить за тайну прошлого?

– Знаю! – твёрдо ответила королева, сжав пальцы.

– И ты не боишься лишиться самого дорогого, что есть у тебя? – не отводя взгляда спросила Айен.

– Я хочу умереть, обретя наконец покой в душе, – выдохнула королева, и в этом шёпоте была вся её усталость от многолетней неизвестности.

– Покой в душе... – повторила колдунья, и её короткий смех прозвучал горько и печально, – Когда-то я тоже мечтала об этом, но такие, как ты... – Айен сделала паузу, и в

воздухе повисла тяжёлая тишина, – расплачиваясь за своё любопытство, вынуждают меня жить вечно.

– Но не о красоте ли и вечной молодости ты мечтала, заключая сделку с незримыми силами? – осмелилась спросить Иركانэя, вглядываясь в лицо вечной девы.

– Я лишь мечтала быть всегда прекрасной и желанной в глазах одного-единственного человека, – с внезапной, пронзительной тоской произнесла Айен. – Разве могла, восемнадцатилетняя влюбленная девчонка, не постигшая всех тайн жизни, знать, как правильно просить у небес? У людей много недостатков, и один из них... им свойственно верить, что они знают, чего хотят, и о чём просят, не осознавая, что за каждое необдуманное желание и слово, придётся горько расплачиваться будущим.

Айен поднялась. Шёлковая накидка соскользнула с её хрупких плеч, раскрыв молодое, изящное тело. Трижды, словно совершая древний ритуал, она обошла королеву, закрыла глаза и прислонившись к самому уху, произнесла шёпотом, полным древней скорби:

– Мой тебе совет – не буди спящего зверя. Прошлое должно оставаться в прошлом, там, где ему и место.

– Я размышляла об этом долгие годы. И сейчас стою здесь лишь потому, что решение моё непреклонно, – сухо, вложив в голос всю оставшуюся волю, ответила королева.

В зрачках колдуньи вспыхнул яркий свет, словно отблеск далёкого, но жадного пламени. Пристально, будто видя насквозь, посмотрев в глаза королевы и прочитав в них несгибаемую решимость, она медленно выдохнула побледневшими губами густой дым. В один короткий миг покои погрузились в багровый, непроглядный мрак и тревожную, давящую тишину. Постепенно дым рассеялся и широкое пространство наполнилось колеблющимися, словно подводными, призраками прошлого...

«Праздник был в самом разгаре. Звуки музыки и смеха витали в утреннем воздухе.»

«Ты – царица всех подземных вод», – возлагая корону на голову Иركانэя, провозгласил король, – а ты, Дарданелла, – царица вод надземных. Дочери мои, принесите нам испить из лона великой матери-вод», – воскликнул он и сёстры направились к реке, сопровождаемые радостными возгласами и благословениями собравшихся.»

Первый советник и старший сын короля стояли поодаль, беседуя вполголоса.

«Кто, как не я, ведает замыслами вашего отца? Король уже мысленно разделил земли между вами и вашими сводными сёстрами, – ядовито лукавил Ширин. И станете ли вы править после его кончины – большой вопрос.»

«Как же получилось, что это известно тебе, а мне – нет?» – пренебрежительно, сквозь зубы, спросил Дарий.»

«Разве вы – его первый советник?» – едва заметно усмехнулся Ширин.»

«Что же ты предлагаешь?», – в голосе принца зазвучало раздражение.»

«Что бы вы сегодня же отправились в Персон с деловым предложением. А именно – с предложением руки ваших сестёр обоим персонским принцам.»

«В своем ли ты уме, Ширин?», – Дарий вспыхнул от гнева.»

«Выходит, вы не желаете быть единоличным правителем?», – продолжал разжигать личность в душе принца советник.»

«Мои сёстры должны оставаться вблизи от родного дома, чтобы я имел возможность первым оказать им помощь в случае непредвиденных обстоятельств. Не вижу необходимости продолжать этот разговор», – холодно бросил он, давая ясно понять, что разговор окончен.»

"Видит Бог, я желал вам лишь добра», – с показным смирением отвесил поклон Ширин.»

Осознав, что принца ему не склонить на свою сторону, и опасаясь краха всех своих планов, Ширин решил действовать самостоятельно. Обхватив левой рукой запястье правой, он подал сигнал к действиям. В тот же миг из чащи вынесся всадник на вороном коне. В одно мгновение он проскакал по мосту и оказался рядом с принцессами. Растерявшаяся Иركانэя

оступилась на комке белой глины, выпавшем из кувшина, и упала в бурную реку. Всадник, не теряя ни секунды, наклонился в седле, схватил Дарданеллу и умчался прочь, яростно подстёгивая коня плетью.»

– Как он мог так жестоко с нами поступить? – шёпотом, полным неверия и боли, вымолвила королева. – Ведь мы относились к нему как к родному дядюшке.

Айен снова выдохнула густой, багровый дым, и комната наполнилась новыми, трепетными образами.

«Во дворце царила глубокая, давящая сознание скорбь.»

«Отец, миновал месяц со дня трагедии», – обратился принц к сидевшему с поникшей головой королю.

«Мы не можем прекратить поиски, Дарий. Каждый уголок земли должен быть нами обыскан. В этот раз с нами пойдут самые лучшие воины и большие люди. Собери всех и объяви... мы выдвигаемся с рассветом.», – скорбно, но с непреклонной волей вымолвил король.

«Повелитель! Разреши мне сопровождать тебя.», – вмешался в разговор между отцом и сыном Ширин, напустив на себя опечаленный вид.

«Нет, Ширин. Ты останешься здесь и будешь вести дела королевства, – это будет твоей лучшей помощью для меня.»

С первыми лучами рассвета отец с сыном, сопровождаемые отрядом лучших воинов покинули дворец. Едва массивные ворота закрылись, первый советник вскочил на коня, и умчался по тайной тропе, торопясь привести в действие новый план. Через двое суток он добрался до лагеря, укрытого в лесу.

«Убейте обоих!», – приказал он заговорщикам, тыча пальцем на карту, в место расположения королевского привала. Этой же ночью, в жестокой схватке с цареубийцами погиб Дарий.

Не дожидаясь рассвета, Ширин, уверенный в своём успехе, возвращался назад. На том самом месте, где месяц назад был приведён в исполнение его коварный план, он замедлил шаг, предаваясь мечтам о троне. Внезапно конь оступился, и упав, ударился головой о затвердевший ком глины, тот самый, что выпал из кувшина принцессы. Оглушённое животное, вместе с всадником, запутавшемся в стремених и поводьях, упало в реку и камнем пошло ко дну. Так река, холодно и бесследно поглотила изменника, погубившего покой в королевстве, где восемнадцать лет царили мир и благоденствие.

Спустя еще два месяца, в убогой рыбацкой хижине была найдена уцелевшая Иركانэя. Благодаря заботам жены старого рыбака, бережно выхаживавшей незнакомку, принцесса выжила и шла на поправку.»

– Что же стало с Дарданеллой? – воскликнула королева, видя, как все видения тают в воздухе.

Айен жадно вдохнула фимиам и с хриплым криком выдохнула новый виток багрового дыма, густым слоем покрывшего тяжёлый воздух. Через несколько секунд дым рассеялся, и в пространстве замелькали новые, тревожные образы.

«Высокий юноша, говоривший на ломанном наречии, был явно взбешён; каждое слово искажало его красивое лицо уродливой гримасой раздражения. Обращаясь к человеку в чёрном, он грубо проскрежетал:

«Ширин пропал! Кто теперь заплатит за пленницу?»

«Как ты не понимаешь, Ардар... Если мы вернём её во дворец, нас выследят и убьют. Ты предпочитаешь убить или быть убитым?»

«Я предпочитаю, чтобы мне заплатили за выполненную работу. О другом, мы не договаривались», – в голосе юноши кипела ярость.

«От неё нужно избавиться. И желательно немедленно», – торопливо, шёпотом выдал собеседник.

«И как, позволь спросить, ты предлагаешь мне это сделать?», – язвительно усмехнулся Ардар.

«Выбрось в реку с камнем на шее. Так её точно не найдут», – холодно ответил человек в чёрном и бросил на грубый стол увесистый мешочек, звонко брякнувший золотом. – «Это плата за работу... и за молчание», – сказал он, и вышел так же бесшумно, как и появился.

Дарданелла, связанная по рукам и ногам, сидела с кляпом во рту в углу смежной комнаты. Каждое слово, произнесённое незнакомцами за стеной, эхом отдавалось в её воспалённом сознании, обрстая ужасными подробностями. Ардар вошёл в комнату с ножом в руках и направился к ней. Слёзы ручьями полились из глаз принцессы, но не в силах сопротивляться, она лишь качала головой, умоляя беззвучно и отчаянно.

«Не плачь, – его голос неожиданно смягчился, – я вынужден быть вором, но я не убийца, – он быстрым движением разрезал путы, – тебе необходимо поесть и привести себя в порядок. Нам предстоит долгий и нелёгкий путь».

В комнату вошла молодая девушка с кувшином тёплой воды и чистым полотенцем.

«Дарина, помоги ей умыться и накорми. Переодень в одно из своих платьев, а её одежду сложи в дорожный сундук. Ночью мы отправляемся».

Безлунная ночь выдалась как нельзя кстати, и Ардар вместе со спутницами, выехал захватив лишь самый необходимый скарб. Так шли они ночами, днём укрывая похищенную спутницу от людских глаз, пока не достигли границы Яилоты. На рассвете, переодев Дарданеллу в грубое платье невольницы, Ардар вывел её на шумный рынок рабов.

Семь долгих дней он водил принцессу по площадям, высокомерно отказывая каждому покупателю, пока молва о неземной красоте невольницы не достигла дворца. Молодой князь, сражённый обаянием Дарданеллы, немедленно выкупил её, щедро расплатившись. Как только сделка завершилась, Ардар опустившись перед ней на колени прошептал:

«Надеюсь, вы когда-нибудь простите мне мой проступок, принцесса. Бог свидетель, я сделал всё, чтобы вы остались живы и попали в достойные руки. Теперь ваша судьба – только в ваших руках. Знайте: это похищение, было организовано по приказу вашего брата. Отец убит, сестра мертва, и, если вы вернётесь, гибель ваша будет так же неизбежна. Прощайте!»

Принцесса в отчаянье закрыла лицо руками. Тихие, горькие рыдания вырвались наружу, сотрясая её истощённое и уставшее тело.»

– Дарданелла, сестра! – протянув руки к призрачному видению, прошептала в слезах Иركانя. – Всё это оказалось чудовищной ложью. Дарий не предавал нас.

Айен раскашлялась, оглушая воздух, и дым начал рассеиваться, унося с собой последние призраки прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.